

УДК 316.752:130.2:130.12

Гузенина Светлана Валерьевна

Guzenina Svetlana Valerievna

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной социологии Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
тел.: (920) 231-38-32

PhD in Sociology, Senior Teacher of the Department of Theoretical and Applied Sociology of Academy of Humanitarian and Social Education of Tambov State University named after G.R. Derzhavin
tel.: (920) 231-38-32

**ФЕНОМЕН ОБРАЗА РОДИНЫ
В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ
АРХАИЧНЫХ И ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ**

**PHENOMENON OF THE MOTHERLAND
IMAGE IN THE COLLECTIVE
CONSCIOUSNESS OF PRIMITIVE
AND ANCIENT SOCIETIES**

В статье исследуется формирование относительно замкнутого круга характеристик и дескрипторов феномена образа Родины в коллективном сознании апологитических и древних обществ. На основе компаративного анализа научных концепций, данных историографии, литературных источников автором выделяются стартовые предпосылки возникновения образа Родины как атрибута духовной жизни первых социальных объединений.

The article analyzes formation of a relatively closed circle of characteristics and descriptors of the phenomenon of the Motherland image in the collective consciousness of primitive and ancient societies. On the basis of comparative analysis of scientific concepts, historiographic data and literary sources the author identifies the starting preconditions of the Motherland image as an attribute of spiritual life of the first social associations.

Ключевые слова: образ, Родина, коллективное сознание, идентификация, ментальность.

Key words: image, Motherland, collective consciousness, identification, mentality.

Попытки компаративного анализа и научного изучения мышления и сознания людей первобытных обществ предпринимались учеными не так часто по понятным и объективным причинам – исследователю довольно сложно и методологически опасно идти в интеллектуальную область чистого отсутствия необходимых фактов, доказательств и первоисточников.

Одним из первых в этом направлении начал работу французский исследователь Клод Леви-Стросс, создатель школы этнологического структурализма. В основу его трудов был положен анализ свойств мышления первобытных обществ и воссоздание системы символического мышления, присущей конкретной бесписьменной культуре. Он доказал наличие нескольких моделей мыслительной деятельности в менталитете туземцев, абсолютно несхожем с европейским (например, бриколаж, где интенция мысли определяется рекомбинацией образов-символов, сформировавшихся в результате прошлой деятельности; модель тотализующего мышления, построенную на множественности логик и другие) [1-3].

Однако в работах К. Леви-Стросса нет ясных и достоверных сведений о том, что люди архаичных обществ наделяли место проживания своего племени или рода какими-то сакральными чертами и характеристиками. По оценкам современных исследователей-этнографов, «...представления наименее развитых племен были предметны и конкретны и в лучшем случае не шли дальше абстракций среднего уровня. Они являлись реальным (полезным знания) или превратным (религиозным верования) отражением жизненной практики первобытных людей» [4], что означает для нас лишь указание на факт того, что люди апологитических обществ относились к среде своего обитания вполне функционально.

Гораздо более достоверные свидетельства об образах родной земли древних донесли реальные артефакты, в частности, сохранившиеся до наших дней произведения искусства и литературы первых цивилизаций.

Мастера древнего Египта оставили в созданных росписях гробниц, рельефов и статуй повествование о земле, на которой они жили и трудились, как о реальном пространстве, окружавшем египтян: это живая природа Египта, прежде всего великий Нил, а также растительный мир («Рыбная ловля на Ниле» – роспись гробницы в Фивах. XIII в. до н.э.; «Охота в зарослях тростника» – роспись из гробницы Нахта в Фивах. Ок. 1400 г. до н.э.; «Мужчины, собирающие гроздь винограда для приготовления вина» – роспись из гробницы вельможи Менна в Фивах. Ок. 1400 г. до н.э.) [5].

Миф как способ отображения действительности раскрывает полноту представлений древних об образе мира от начала его сотворения, соответственно образ Родины органически вплетен в иерархию мифологем, повествующих о появлении Вселенной, планет, времени, земли, людей и животных.

Мифы многих народов мира основаны на самопроизвольном установлении первоначального порядка, на идее эволюции, где появление земли выступает лишь одним из этапов глобального миропостроения: таковы мифы древних викингов о создании богами Асгарда (жилища богов) и Милгарда

(земли смертных), мифы о появлении Японских островов в результате брака божественной пары Идзанаги и Идзанами и другие. Существует и множество легенд, основанных на концепции прародителя человеческого рода: китайский миф о великане Паньгу, появившегося из яйца; южнокорейская легенда о яйце, содержащем младенца, который, вырастая, становится правителем мира; индийские мифы о боге молитвы Праджапати, создавшего воздух, землю, время, людей, смерть или о Брахме, вышедшего из золотого яйца и распавшегося на мужчину и женщину; древнескандинавский миф о боге Олффартере (Вездесущем), который невидим и существовал всегда.

Очевидно, что в мифах древних гораздо большее значение придается космическому миропорядку, нежели образу пространства, на котором живет человек. Суть древнего мифа чаще сводится к передаче нравственных основ: примеров добродетели или нечистоты, правды или коварства, образцов верности и преданности, любви, чадолюбия, покорности, терпения, храбрости, отваги и так далее [6-10].

Такие духовные основы каждого этноса тесно связаны с социально-исторической практикой, опытом выживания на определенном географическом ареале ойкумены. Однако мифология, как форма мировоззрения, способствовала появлению первых философских концепций, положивших начало научному осмыслению мира.

Стихийная диалектика древних как метод познания действительности достаточно полно представлена в учении китайского мыслителя Лао Цзы, родоначальника даосизма. Даосизм, тяготеющий к естественному фатализму, утверждал безусловность человеческой несвободы. Лао Цзы в труде «Дао де дзин», излагающем основы даосизма, указывает: «Человек следует [законам] земли». Поскольку жизнь есть заданность, центральным тезисом в учении Лао Цзы выступает понимание собственного предназначения, свободы от суеты и попыток быть не собой.

Проблематика отношения личности к Родине осмыслена в философии даосизма через мировоззрение даоса, которое основано на принципе «жить, не вмешиваясь в естественный ход вещей», а потому нет смысла страдать от несправедливости, бороться, стремиться к власти или высокому статусу: «...высоко цени не себя, а землю, на которой живешь, и сможешь жить спокойно, вверив себя ей. Люби не себя, а землю, и ты сможешь найти у нее поддержку и опору», – утверждает древнекитайский философ в «Дао де дзин» [11].

В этом же ключе в труде мыслителя выстраивается и толкование категории образа. Исходя из даосского учения, логически верным видится вывод о том, что любой представимый образ может быть осмыслен как часть индивидуального или коллективного дао. Однако Лао Цзы утверждает, что полнота дао состоит в тщетности попыток как его окончательной словесной формулировки, поскольку «дао, о котором можно сказать, не есть истинное дао», так и осознания, ибо «великий образ не имеет формы» [11].

Наиболее ярко тема Родины раскрывается через сюжетные линии в эпосах Гомера, положивших начало истории европейской литературы: произведениях «Илиада», повествующей о Троянской войне и «Одиссея» (при описании тоски по Родине главного героя, скитавшегося вдали от любимой Итаки), однако фактические научные данные в рамках исследуемой проблематики могут быть получены при обращении к античной историографии, а также источникам по бытописанию и истории Античности [12].

Античная Греция как полисное государство оставила уникальный пример возможного совмещения масштабной коллективной культурной идентичности (территориальной) и социальной (локальной), поскольку именно здесь зародилась идея самодостаточного города-государства, полисного коллектива, которая получила обоснование в весьма известной теоретической концепции космополитизма. Интересно, что современное понимание категории «космополитизм» деформировалось до прямо-противоположного. Понятие «космополит» изначально подразумевало гражданина греческого города, что несло на себе совершенно определенную смысловую нагрузку – это человек, верный своему полису. Разумеется, для космополита образ Родины включал в себя его дом, близких, а также людей, живущих с ним на одной улице и в одном городе, но главное – этот образ базировался на понимании первостепенной значимости процветания особого места – родного полиса. Локальная идентичность греков всячески акцентировалась, выступала первичной, именно на ее основе конструировались следующие макрообразы: страны, греческой культуры и, наконец, цивилизации, противопоставившей себя миру варваров. Социальная идентичность скорее совпадала и с личностной: так, историк Фукидид начинает свой труд словами: «Фукидид, афинянин, написал историю войны между пелопоннесцами и афинянами, как они вели ее друг против друга» [13], философ Парменид был известен как Парменид из г. Элей, Фалес – как Фалес Милетский и т.п.

О внимании греков к месту рождения и проживания свидетельствует и развитие жанра исторического повествования, который, по сложившемуся мнению ученых-историков, берет свое начало от отца истории Геродота, хотя повествования о жизни и укладе в той или иной части Греции

мы находим и у первых историков Эллады – логографов: Гекатея – «Милетские рассказы», Гелланика – «Фессалика», «Арголика», «Об Аркадии», «Эолика», «Троица», «Лесбика», «Аттида» и другие [14]. Их труды были очень популярны, поскольку отличались не столько систематичным изложением исторических фактов, сколько красочностью, особым стилем и могли играть прямую роль в формировании образа Родины греков. Как отмечает исследователь В.Г. Борухович: «Источниками для их сочинений служили, прежде всего, эпические поэмы, затем различного рода предания, сохранявшиеся в народе, религиозные и светские книги, хроники, материалы надписей. Но особенно большую роль играло собственное наблюдение и осмысление фактов, расспросы и исследование, что вначале и выражалось термином “история”. Примечательно, что именно Гелланику принадлежит и сохранившийся лишь в фрагментах труд “Атлантида”. Разумеется, первое подробное описание образа идеальной страны Атлантиды, мифической родины-государства, по праву принадлежит Платону (работы “Тимей” и “Критий”), поскольку, по мнению авторитетных историков, включение Геллаником в генеалогию Атланта служит свидетельством того, что Атлантида была трудом о Крите» [15], то есть – о реально существующем месте на карте.

Труд «История» Геродота представляет для темы настоящего исследования фундаментальное значение. Хотя некоторыми историками оценивается его, скорее, художественная, а не научная значимость, особенно в сравнении с монографией об истории войны между пелопоннесцами и афинянами Фукидида. «История» Геродота представляет интерес не как источник хронологических данных, не как учебное пособие по истории греко-персидских войн или государств и стран, в которых побывал путешествуя рассказчик, а свидетельствует о существовании феноменов, которые позднее составят основу научного понимания ментальности и менталитета.

Первая часть «Истории» Геродота повествует о существовании особых типов логосов [16] (греч. *Logoi* – принцип, идея) – лидийского, египетского, скифского, киренского, ливийского, фракийского, что означает констатацию Геродотом факта наличия очевидных коллективных представлений, то есть культурных, психических и когнитивных сходств. В этом смысле в труде Геродота представлен «образ мира, в слове явленный» [17], поскольку историк, не ставя для себя такой цели, описывает менталитет, то есть – выработанные со временем коллективные особенности мышления, данные в формулировке понятий, специфике суждений и оценок, характере стереотипизации, что предполагает стартовую гипотезу о наличии как ментальности (социально-исторической памяти), так и менталитета (способа мышления) в структуре каждого из описанных им логосов.

Античная Греция как оплот европейской цивилизации стала колыбелью практически всех существующих до наших дней направлений общественной мысли. Одним из таких масштабных течений выступает философия стоицизма, которая сигнализирует о кризисе полисного мышления, меняет вектор общественной мысли на противоположный и постулирует поистине революционные для полисной Греции основы. Частным примером философии стоицизма выступает отношение мудреца к атрибутам реального бытия: месту проживания, дому, близким, необходимым предметам. Не случайно символической стоицизма стала бродячая собака, что ярко иллюстрировало базовую идею стоиков – зрелая личность не может быть привязана к вещам, к месту, даже к отдельным людям. Только так открывается возможность обретения истинной свободы, поэтому у мудрого человека-стоика не может быть в принципе никакого образа Родины. Духовные принципы стоицизма дают основания полагать, что для эллинов первостепенным являлось не осознание Родины, но себя как части греческой культуры.

Рамки полисного мышления греков сумела разрушить только просуществовавшая хоть и недолго держава, созданная Александром Македонским [14]. С его имени начат новый отсчет в истории человечества – эпоха великих империй. Отметим, что и до Александра существовали империи: построенное «на грубом насилии и деспотизме крупное древневосточное Ассирийское государство» [18], Персидская держава, пришедшая в упадок в результате бесконечных восстаний и интриг внутри господствующей верхушки. Но именно империя, созданная Александром, представляет собой пример усилия личности бросить вызов массовой разобщенности: социальной, этнической, локальной, культурной, религиозной, поскольку арена его завоеваний, поступки и замыслы предполагают, прежде всего, масштабную идею. Это была мечта о благоденствующем всемирном государстве.

Образ всеобщей родины-государства прослеживается, прежде всего, в культурной политике Александра: царь не желал зла покоренным народам: он оставлял в силе этнические традиции, чтит обычаи, не искоренял язык и всячески стремился к единодушию, более того «старался в своей восточной политике опереться на восточные корни, пытался перестроиться и стать новым человеком» [14]. Впервые в лице Александра мы видим властителя мира, готового считаться с подданными с целью сохранения империи во имя своей великой идеи.

Ведущей в эпоху правления Цезаря становится идея Рима как духовной столицы мира, а потому образ Родины – великой империи, тесно связан с фигурами полководцев и военачальников, тактическое и военное мастерство которых подтверждали мощь римской армии и приумножали славу Рима,

присоединяя новые территории. Названные авторы являются признанными авторитетами в области истории, особенно при описании ими известных лиц и военных событий, но непосредственно тему статьи затрагивает работа крупнейшего немецкого историка XX в. Теодора Моммзена «История Рима».

Отмечая специфику италийской нации, автор исторического исследования пишет: «...отечество этих людей и их чувства к этому отечеству были таковы, каких не знал грек, и при государственном устройстве, основанном на самоуправлении, латины так развили свою национальность и вместе с тем достигли такого могущества, что им подчинились и эллинская нация, и весь мир» [19]. Т. Моммзен подчеркивает, что этнический фактор не являлся в древнем Риме ведущим, поскольку в Римскую республику объединились многие народности и три нации – латины, эллины и евреи, империя представляла собой колоссальный конгломерат из множества этнических групп.

Принадлежность к Римской империи выступала, таким образом, главным фактором коллективной идентичности в древнем Риме, имперская идентичность становится и основой официальной имперской идеологии, однако вполне признается и поддерживается рядовыми гражданами. Самым суровым наказанием римлянин считал изгнание за пределы Родины, пребывание на чужбине виделось непосильным испытанием.

Основой римского права являлись принципы доброй совести, справедливости, гуманности, рационалистическое учение о естественном праве, в соответствии с которым все люди, кроме рабов, равны и рождаются свободными. Непосредственно из принципа справедливости выводилось равенство римских граждан перед законом. Принцип гуманизма означал уважительное отношение к личности [20].

В этом смысле Рим олицетворял для римлянина не только место рождения, но оплот справедливости, а потому коллективная идентичность римлян подразумевает гражданскую. Принадлежность к Римской империи означает не только реальную территориальную связь с родной страной, но знаменует оформление в структуре коллективного сознания понимания особенности и исключительности.

Приведенный выше компаративный анализ показывает, что данная методология действительно открывает исследователю широкие научные возможности, поскольку в рамках как самой узкопрофессиональной, так и масштабной междисциплинарной проблемы учитываются конкретные культурные контексты в мировом цивилизационном процессе, осуществляется выявление как универсального, так и уникального, «...сущностно необходимого в развитии традиции мысли региона, страны, нации, в то же время отражающего движение философской мысли развивающегося бытия космоса, общества, человека...» [21, с. 9].

Такие сравнительные обобщения, в свою очередь, позволяют выделить и стартовые предпосылки возникновения образа Родины как атрибута духовной жизни людей, единственных биологических существ на Земле, обладающих способностью донести результат своей сознательной мыслительной деятельности в творчестве и речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Леви-Страсс К.* Печальные тропики / пер. с фр. Г.А. Матвеевой / науч. консультант и авт. предисл. Л.А. Файнберг. М., 1984.
2. *Леви-Страсс К.* Первобытное мышление. М., 1999.
3. *Леви-Страсс К.* Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / пер. Островский А.Б. М., 2008.
4. *Першиц А.И.* Предисловие // Тайлор А.Э. Первобытная культура. URL: http://www.modernlib.ru/books/taylor_eduar/pervobitnaya_kultura/ (дата обращения 11.06.2012).
5. *Культура древнего Египта* / пер. и науч. ред. В.Н. Ларченко. М., 2003.
6. *Боги и мифы Индии* / пер. с англ. С.С. Лосева. М., 2003.
7. *Китайские боги и мифы* / пер. с англ. Н.А. Виноградовой. М., 2003.
8. *Мифы и легенды викингов* / пер. с англ. М.Б. Ивановой. М., 2003.
9. *Японские боги и мифы* / пер. с англ. В.Ю. Захарова. М., 2003.
10. *Лао Цзы. Дао Де Дзин* / пер. А. Кувшинова. Самара, 1997.
11. *Быт и история в Античности* / отв. ред. Г.С. Кнабе. М., 1988.
12. *Фукидид. История.* М., 1981.
13. *Немировский А.И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979.
14. *Борухович В.Г.* Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
15. *Геродот. История в девяти книгах.* Л., 1972.
16. *Пастернак Б.* Август // Пастернак Б. Сочинения в двух томах. Тула, 1993.
17. *Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.
18. *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1997.
19. *Васильева Т.Г., Пашаева О.М.* Римское право. М., 2009.
20. *Колесников А.С.* Философская компаративистика: Восток-Запад: учеб. пособие. СПб., 2004.